

УДК 29+342

Х.Г. Магомедсалихов

Корреляция адата и шариата в регламентации общественных отношений у горцев Дагестана в XIX в.

Статья посвящена вопросам взаимодействия шариата и адата в регулировании общественных отношений у горцев Дагестана в традиционном прошлом. При этом акцентируется внимание на том, что в результате многовековой борьбы за приоритетное право в регламентации общественных отношений в XIX веке шариат и адат делали это в тесном взаимодействии.

Ключевые слова: *шариат, адат, мораль, джамаат, регламентация, семья, общество, примирение.*

This paper is devoted to the interaction between sharia and adat in the regulation of social relations among Daghestani highlanders in last. Attention is focused on the fact that during centuries of struggle for priority in the regulation of social relations sharia and adat did so in the XIX century in close cooperation.

Key words: *sharia, adat, morality, jamaat, regulation, family, community, reconciliation.*

Корреляция адата и шариата в регламентации общественных отношений у народов Дагестана имеет давние традиции. При этом наряду с адатом и шариатом значительную роль в регулировании разных аспектов общественных отношений играли моральные устои.

Хотя теоретически вполне разумно и реально, но на практике сложно разграничить роль адатных норм и шариатских предписаний, а также моральных устоев в регламентации общественных отношений и разрешении социальных конфликтов. Такое положение сложилось в XIX в. и было обусловлено всем предшествующим ходом исторического развития горских обществ Дагестана.

Вплоть до XIX века наблюдалась конкурентная борьба между адатом и шариатом за приоритетное право в регламентации общественных отношений. Результатом такого противостояния явилось то, что до начала распространения идей юридикализма вопросы, «касающиеся религии, семейных отношений, завещаний, наследства и некоторых гражданских исков» [9, с. 5], в Дагестане решались только по шариату. «Дела же уголовные, по нарушению права собственности, общественных постановлений и т. п. продолжали решаться по прежним адатам» [9, с. 5]. Однако здесь необходимо заметить, что речь идет об общей тенденции, а во многих случаях адат и шариат, взаимно переплетаясь, вопросы, касающиеся общественных отношений, регламентировали в тесном взаимодействии. Когда речь идет об адатах, то следует иметь в виду не только юридические нормы, строго обязательные для соблюдения и предусматривающие определенные наказания за нарушения, но более или менее всеми соблюдаемые бытовые правила поведения, за которые предусматривалась моральная ответственность.

Многие мусульманские предписания, изначально заложенные в шариате, были кодифицированы в нормах обычного права горцев и таким способом максимально приспособлены к местным условиям, что дало основание называть такие законоположения «аджамским правом». Так, адат Келебских селений гласит: «Если кто не будет соблюдать в месяц рамазан пост, то за каждый день нарушения поста с него взыскивается штраф в размере одной овцы» [15, с. 80]. Или же если по мусульманскому праву в качестве дията (компенсация материального ущерба пострадавшей стороне при убийстве. – Х.М.) предусмотрено выплачивать определенное количество верблюдов, то адаты горцев приспособили его к местным бытовым условиям и предусматривают такую компенсацию движимым и недвижимым имуществом: баранами, коровами и другими животными (пока не наберется необходимое количество), а также земельными участ-

ками и т. д. Постановление Батлукского джамаата, например, по такому поводу предписывает: «Размер дията установить вместо ста верблюдов, предусмотренных шариатом, сто овец, имея в виду, что в нашей местности нет верблюдов» [17, с. 230]. Соответственно, адат Каралалского союза обществ допускает выплату дията всяким движимым и недвижимым имуществом лишь бы набрать необходимое количество: «Размер дията, который взыскивается в пользу родственников убитого, равен 200 руб. Одна половина этого дията взыскивается мясом скота (коровы, овцы, лошади, осла и др.) даже очень старого и истощенного, способного перешагнуть через брошенную палку, но не покалеченного и не слепого. Другая половина взыскивается стоимостью: любым видом земли и любым видом имущества (вплоть до вьючного седла осла и лошади и их ездового седла, сбитого железными гвоздями)...» [3, с. 15].

В приведенной адатной норме следует обратить внимание на то, что в горах земля представляла собой исключительную ценность, которую отчуждали только в крайних случаях. Очевидно, что выплата дията за убитого представляет один из таких случаев, что предусмотрено шариатом и закреплено в адатной норме.

По справедливому замечанию М.М. Магомедханова, «в Дагестане вопрос о том, как решать те или иные дела – по адату или шариату – оставался злободневным вплоть до 20-х гг. XX века. Так, в регулировании вопросов землевладения и землепользования, а также в сфере брачных отношений, при решении некоторых уголовных дел прослеживается параллельное употребление шариатских и адатных норм» [11, с. 82].

Таким образом, адаты и шариат к XIX веку тесно коррелировали в регламентации общественных отношений. В процедуре соблюдения примирения (маслаата) также заложены как шариатские, так и адатные начала, что вполне между собой согласуется, т. к. они взаимно дополняют друг друга. Так, саму процедуру примирения аварцы называют *рекьел-маслигат*, что обозначает наличие в нем как адатных, так и шариатских начал. К тому же, исламская религия предусматривала и приветствовала спокойствие в общине-джамаате, а представителям религии было предписано примирять враждующие стороны. Наряду с муллой миротворческую миссию возглавляли наиболее почитаемые, безупречные в моральном отношении представители джамаата, к тому же обладавшие способностями народной дипломатии.

В числе других институтов общества судопроизводство горцев также было основано на адатных и шариатских началах, где имели место две формы опознания или очищения – шариатская и адатная. При шариатской форме применялась формула присяги – *Валлагьги, Биллагьги, Таллагьги* и клятва на Коране, а адатная форма предусматривала развод с женой с соответствующей формулой – *Хатун-Таллах*, которая, кстати, тоже своими корнями уходит в шариат.

Утверждать, что семейно-брачные отношения регламентировались только на основе шариатских предписаний, было бы не совсем корректным; здесь свою роль наряду с моральными устоями также играли адатные нормы. Так, в адатах даргинских обществ говорится: «Дела по бракам разбираются по шариату; но если после помолвки брак почему-либо не состоится и возникнет спор относительно подарков, сделанных женихом невесте и невестою родственникам жениха, то спор этот разбирается и решается по адату» [2, с. 2].

В семейно-брачных отношениях такие вопросы, как заключение и расторжение брака, взаимоотношения между супругами и некоторые другие вопросы регламентировались исключительно по шариату, а остальные вопросы (свадебные обряды и т. д.) решались по адату.

Таким образом, исторически за предшествующие века сложилось так, что к XIX веку в большинстве случаев наблюдается корреляция регламентации взаимоотношений в обществах-джамаатах адатом и шариатом, где свою роль играли также моральные ус-

тои. Под адатами следует понимать не только обязательные юридические предписания, но и бытовые общепринятые устоявшиеся, неписанные правила поведения.

Однако накануне Кавказской войны имам Кази-Магомед, а впоследствии в имамате Шамиль настойчиво внедряли шариатские нормы регламентации во все сферы жизни общества, считая, что адаты – от сатаны, а шариат – от Бога. Имам Шамиль пытался в имамате ввести наказания за преступления уголовного характера в соответствии с шариатскими предписаниями, которые в том числе предусматривали отсечение конечностей. Но ни одного такого наказания на практике не наблюдается, что является свидетельством непопулярности применения шариата по таким социальным порокам, как воровство, грабежи, прелюбодеяния и т. д. Горцы в душе не восприняли тотальные шариатские порядки, и как только перестало существовать теократическое государство – имамат, незамедлительно вернулись к прежним адатам, оставив в ведении шариата только те вопросы, которые он решал до начала Кавказской войны. Данный тезис наглядно подтверждает следующий случай, описанный А.В. Комаровым: «Когда Шамиль утвердился в Аварии и начал преследовать сторонников адата, один аварец, имевший сборник адатов, по которым производился суд во времена Омар-хана, опасаясь держать его дома и предвидя в нем надобность, спрятал его в дупло дерева. Когда же Шамиль был взят в плен, хозяин сборника вынул его из дупла и передал в свое селение для руководства при разборе дел, заслужив общую благодарность за свою предусмотрительность» [9, с. 7 (Примечание 1)]. Период существования имамата не вытравил из сознания горцев привычные адатные способы регламентации взаимоотношений в обществе. По этому поводу известный исследователь обычного права горцев Кавказа А.М. Ладыженский отмечал: «Несмотря на решительные стремления фанатиков исламизма, ... шейха Мансура ... и дагестанцев Шамиля и Кази Магомета, заменить адат шариатом, им не удалось это сделать, т. к. народ предпочитал более мягкие общеправовые нормы ...» [10, с. 253].

С учетом того, что адаты сложились на местной бытовой почве, они максимально гармонировали со стереотипом поведения и ментальными особенностями горцев, и в них было органично вплетено горское понимание социальной справедливости, которым они дорожили наравне с собственной честью и достоинством.

Как до, так и в период Кавказской войны наказания за различные правонарушения у горцев проводились публично, что имело целью назидательность и являлось действенным методом профилактики конфликтов. Так, назидательную цель имело наказание «чернение лица», когда лицо нарушителя обмазывали сажей и водили по аулу в сопровождении потешающейся детворы. В условиях строгой горской морали нетрудно представить психо-эмоциональное состояние наказуемого и его родственников, а соответственно назидательный эффект, производимый таким наказанием. Однако исходило ли такое наказание от шариата трудно утверждать, так как в мусульманском праве оно не встречается, но такое наказание широко практиковалось в имамате Шамилем, а также оно встречается у других народов Северного Кавказа.

Наряду с «чернением лица» в имамате применялось наказание бичеванием, когда на бечевку нанизывали краденую вещь (если, конечно, она была соответствующих размеров), вдевали бечевку в ноздрю и в течение определенного времени не снимали ее, что также носило назидательный характер. Такие наказания приводились в исполнение при всеобщем стечении народа после пятничного намаза.

Вердикт правонарушителю, как правило, выносили представители духовенства – кадий, мулла, дибир, даже судопроизводство называлось адатным.

Следует заметить, что шариатские предписания и адатные нормы не противоречили друг другу в регламентации правопорядка. Так, шариат, так же, как и адат, не запрещал кровную месть, а регламентировал ее определенный порядок. «Верующие! Вам предписана

мечь за убитых: свободный за свободного, раб за раба, женщина за женщину», – говорится в Коране [13, с. 127].

Однако здесь необходимо отметить, что шариат различает справедливое и несправедливое убийства. По этому поводу в аяте Корана сказано: «Не убивайте человека, ибо Бог запретил вам это, исключая справедливые причины. По отношению к несправедливо убитому мы даем власть его ближнему...» [8, с. 531]. В имамате Шамиль также ввел определенные изменения относительно кровной мести, ограничив число мстителей узким кругом близких родственников. Имам Шамиль запретил разрушать дом убийцы, что до сих пор среди горцев носило общепринятый характер.

Адаты удачно гармонировали с горским бытом, психологией и менталитетом горцев, и в них было органически вплетено горское понимание социальной справедливости, которым они дорожили наравне с собственной честью и достоинством. Тонкий знаток психологии горцев имам Шамиль относительно социальной справедливости горцев: «Всякое подобие несправедливости, всякое ничтожное, но неправильное действие возмущает горца, который питает в себе глубокое чувство правдивости. Это чувство или дает ему возможность умереть без ропота и боли, или же подвигает его на самые кровавые эпизоды» [16, с. 112 (Примечание)].

Как правило, администрация джамаата подразделялась на духовное и светское управление, когда духовная часть жизнедеятельности контролировалась муллой или кадием, а светская сторона – избираемыми на сельских сходах исполнителями. При этом сельские исполнители строго придерживались как адатных, так и шариатских начал.

Горцы ревностно относились к выборам сельских исполнителей, в обязанность которым вменялось проявлять беспристрастность и справедливость в своей деятельности. Вот как, например, описаны в источниках выборы представителей самоуправления в начале XIX в. в Салатавском союзе сельских обществ: «В старину... собирались ежегодно, как то рассказывают, из этих Салатавских тринадцати селений историки (старик. – Х.М.), муллы-дибиры и мудрецы – всего двести человек, – близ родника Миккилава. Собирались же они туда, по рассказам, с тем расчетом, чтобы рассматривать справедливые порядки и суд-диван Салатавских селений: «это кому там сотворили насилие-зулму?» На этом же сходе выбирали старейшин и исполнителей по принципу: «из маленького селения по два-три человека, из среднего селения по четыре-пять человек, из большого селения по семь-восемь человек. Выбирали они людей справедливых, проворных, основательных, туда-сюда не тянущих и немилостивых» [18, с. 85]. То есть основными критериями при выборах сельских исполнителей были их беспристрастность и честность в соблюдении социальной справедливости, от чего во многом зависела стабильность и дисциплина в джамаате. В противном случае исполнителей могли не выбрать на следующий срок.

Примечательно также то, что у лакцев совет старейшин назывался *хьунасса* или *марцI араммтал*, что означало «честные мужчины» [5, с. 292]. Сельские исполнители на период своих полномочий пользовались правовым иммунитетом, что кодифицировано во многих адатных нормах горцев.

Соответственно горцы сами также проявляли высокую дисциплинированность и законопослушание. Так, в обществах, где традиционным являлись садоводство и виноградарство, ни один член джамаата не позволял себе сорвать гроздь винограда даже в собственном саду до особого распоряжения старейшин аула. Такой порядок регламентировался адатной нормой соответствующего общества. «Кто сорвет виноград для еды, даже из своего сада раньше разрешения общества, тот штрафуетя в пользу общества пятью рублями. То же самое для тех, кто давит виноград» [1, с. 449]. Следует отметить,

что в данной адатной норме в двух случаях предусматривалось исключение – для гостя и беременной женщины.

О дисциплине горцев в XIX в., которая была основана на корреляции адатных и шариатских начал, высоко отзывался Е. Марков: «Беспрекословное подчинение мирской воле и всем строгим требованиям старых адатов является у лезгин делом свободного нравственного сознания. Если аульское общество положит, например, запрещение на лес, то уже будьте уверены, что из этого леса не пропадет ни одна палка, ничья рука не дотронется до запрещенного плода... Вообще, строгая законность и точность в исполнении обязанностей проникает лезгина с его младых дней» [12, с. 567]. И это не единственное свидетельство о законопослушности и строгости соблюдения дисциплины горцами; об этом же свидетельствует другой русский автор XIX в. Н.И. Воронов: «Вести, новости, разносятся в горах с изумительной скоростью, и приказания начальства, власти, исполняются здесь также быстро, как бы страна переkreщивалась телеграфными проволоками. На завтра, например, нужно собрать джамаат из всех ближних обществ – и джамаат непременно соберется; кто пеший, кто конный, явятся все по призыву, преодолев, без сомнения, значительные трудности в пути. Это факт, в котором я убедился множеством примеров» [6, с. 19–20].

Мало того, горцам было присуще соблюдать дисциплину во время схода джамаата: «у места молчат, у места говорят и некоторые говорят весьма бойко, плавно и дипломатично, у места слушают... импровизированным поведением ея на сходе может остаться доволен любой поклонник порядка» [6, с. 19–20]. Такая самодисциплина была результатом многовековой практики, без которого джамаат не мог быть единым и сплоченным политическим, морально-этическим, хозяйственно-экономическим организмом. Адаты принимались на сходах с соблюдением публичности и демократичности и соответственно всеми соблюдались.

По адату решались почти все дела относительно убийства, воровства и грабежей, прелюбодеяний и т. д. «Везде убийство наказывается кровомщением или примирением на известных условиях, везде дозволяется безнаказанно убивать вора, пойманного на месте преступления, грабителя, ближайшую родственницу, замеченную в любовной связи; везде раненый лечится за счет ранившего; уличенный вор возвращает краденое и т. п.» [9, с. 5]. Однако при решении всех этих дел роль шариата наряду с адатом была несомненна велика, хотя бы потому, что общественное сознание горцев было проникнуто религиозной моралью, которая осуждала воровство, грабеж, прелюбодеяния и другие антиобщественные деяния.

Горцы веками привыкли отличать частную собственность от общественной в силу того, что адат и шариат их строго различали, а частное свято оберегали от посягательства. «Собственность на землю по представлению мусульман священна, а стало быть, и неприкосновенна» [19, с. 78]. Дагестанский просветитель XIX в. Абдулла Омаров отношение горцев к частной собственности выразил в следующих словах: «В книге сказано: умереть, защищая свою собственность, то же, что умереть шагидом (умершим в войне с неверными)...» [14, с. 37].

С земельной собственностью горцы отождествляли независимость, свободу, и в традиционном обществе безземельный уздень не мог чувствовать себя свободным. Земля – это неприкосновенная собственность и на почве нарушения земельных границ горец безвозмездно мог убить человека или сам при этом погибнуть. В XIX в. у горцев сложилась поговорка «У кого умерла дочь, и кто купил землю – не проиграют».

После окончательного присоединения Дагестана к России была сделана попытка поставить в силу как адатные, так и шариатские порядки для регламентации общественных отношений. Однако под влиянием российских порядков и законов общественная жизнь в горских джамаатах во второй половине XIX в. медленно, но неуклонно подвергалась

трансформации. Как свидетельствует один из представителей местной интеллигенции того периода Г. Амиров, «Каждый решает дела по шариату, а судьи по адату. Но в последнее время шариат и адат мало-помалу теряют свое значение: жители весьма часто обращаются теперь к наибскому суду» [4, с. 37].

Однако адаптация горцев к российскому законодательству и правопорядку происходила болезненно; они продолжали «судиться и рядиться» по своим законам и утешали себя мыслью, что все происходящие перемены носят временный характер.

Отношение горцев к российским законам наглядно демонстрирует следующий типичный пример. В начале XX века некий Исмаил из Салатавского сел. Гертма совершил убийство, за что согласно российским законам, был сослан в Сибирь. Вместе с ним отбывали наказание Сайдир из Гуни, Идрис из Дылыма и ещё двое дагестанцев. В скором времени в адрес Исмаила якобы от отца поступила посылка, и все земляки, кроме Идриса, который отлучился в это время, собрались угоститься её содержимым. Земляки начали с урбеча, который оказался начинён сильным ядом, и все четверо скончались на месте. Только по истечении многих лет выяснилось, что яд был послан двоюродным братом человека, убитого Исмаилом*. Таким образом, согласно укоренившемуся в сознании дагестанцев представлению, регламентация жизни горцев должна происходить на основе исламских и шариатских традиций. В данном конкретном случае должно было состояться примирение и родственники убитого должны были получить первым делом моральную и затем материальную компенсацию от убийцы. В противном случае должна состояться месть любыми способами и при любых обстоятельствах, как это было сделано. Хотя виновника наказали по российским законам, но это не удовлетворило родственников пострадавшего тухума.

На эту особенность горского менталитета обращал внимание известный исследователь обычного права горцев Кавказа А. Дирр, когда писал: «Каждый кровник, конечно, скрывался от русского закона, которого он просто не понимал, в каком-нибудь еще свободном районе страны, потому что там думали так же, как и он сам, а именно, что он лишь выполнил свой неотложный долг, заплатив убийством за убийство» [7, л. 5–6].

Резюмируя вышеизложенное, заметим, что в исследуемый период корреляция адата и шариата способствовала регламентации правопорядка и взаимоотношений в обществе, и строгого деления судопроизводства на шариатское и адатное в горских обществах на практике не наблюдалось.

У горцев существовали строгая самоорганизация и всеми соблюдаемая внутренняя дисциплина в джамаатах, основанная на морали и взаимодействии адата и шариата, что являлось залогом стабильности в обществах. основополагающим моментом самоорганизации и дисциплины был принцип демократизма, соблюдаемый при выборе представителей самоуправления и строгого им послушания.

Однако со второй половины XIX в. веками сложившийся правопорядок вместе с общественным сознанием и бытом начал подвергаться трансформации, и этот процесс для горцев происходил болезненно.

Литература

1. Адаты Дагестанской области и Закатальского округа. – Тифлис, 1899.
2. Адаты Даргинских обществ // ССКГ. Вып. VII. – Тифлис, 1873.
3. Адаты общества Каралал / Сост. Магомедсалихов Х.Г. – Махачкала, 2003.
4. Амиров Г. Среди горцев Северного Кавказа // ССКГ. Вып. VII. – Тифлис, 1873.
5. Булатова А.Г. Лакцы. Историко-этнографическое исследование (XIX – начало XX вв.). – Махачкала, 2000.
6. Воронов Н.В. Путешествия по Дагестану // ССКГ. 1868. Вып. 1

* Информатор Мутуева Умаказипат, 1923 г.р.

7. *Дирр А.* Об обычном праве Кавказских горцев // Рук. фонд ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. № 2969.
8. *Караулов* Основы мусульманского права // Историческое наследие. – Ставрополь, 1991.
9. *Комаров А.В.* Адаты и судопроизводство по ним // ССКГ. Вып. 1. – Тифлис, 1868.
10. *Ладыженский А.М.* Очерки социальной эмбриологии. – Ростов-Дон, 1929.
11. *Магомедханов М.М.* Дагестанцы: вехи этносоциальной истории. – Махачкала, 2007.
12. *Марков Е.* Очерки Кавказа. – М., СПб., 1889.
13. *Массэ А.* Ислам. – М., 1961.
14. *Омаров А.* Как живут лаки (Из воспоминаний детства) // ССКГ. Вып. III. – Тифлис, 1870.
15. Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX в. / Сост. Х-М.О. Хашаев). – М., 1965.
16. *Руновский А.* Записки о Шамиле. – М., 1989.
17. *Хашаев Х.-М.* Общественный строй Дагестана в XIX веке. – М., 1961.
18. Хрестоматия по истории права и государства Дагестана в XVIII–XIX вв.: В 2 ч. / Сост. Айтберов Т.М. – Махачкала, 1999. Ч. 1.
19. *Шарль Р.* Мусульманское право. – М., 1959.

Поступила в редакцию 26 марта 2011 г.